

ГЕНЕЗИС КАРЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ИСПАНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

УДК 141:329.11

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук,
докторант Института философии и права УрО РАН,
г. Пермь. E-mail: yuvasil@yandex.ru

В статье проанализированы классические типологии карлизма на генетическом этапе его развития (1833–1876 гг.) как частного случая испанского консерватизма и сопутствующие концептуально-методологические проблемы. Автор сопоставляет типологию «политических тенденций» Ф. Суареса Вердегера, фракционную классификацию карлизма К. Секо Серрано и «три течения карлизма» Х.К. Клементе Муньоса, фундируя их одной из классических отечественных типологий консерватизма, предложенных А.А. Галкиным и П.Ю. Рахшмиром. Для детальной концептуально-методологической прорисовки все анализируемые типологии накладываются в итоговой таблице на политико-идеологический и партийно-политический спектры зарождающегося в Испании консервативного течения. В итоге автор приходит к выводу, что своеобразным политико-идеологическим «мейнстримом» зарождающегося карлизма являлась его правая «фракция» (потенциально праворадикальные консерваторы), определившая сущность всего карлизма по полтора столетия вперед. На основе этого автор утверждает, что генезис карлизма в Испании может служить идеальным типом для изучения генезиса праворадикального консерватизма в рамках таких «периферийных консерватизмов» как германский, итальянский, восточно-европейский и российский.

Ключевые слова: карлизм, политическая идеология, типология консерватизма, традиционализм, праворадикальный консерватизм, Испания XIX в.

Проблемы типологии политической идеологии консерватизма являются для политической науки традиционными и на сегодняшний день настолько хорошо разработанными, что в ближайшее время здесь едва ли возможен какой-либо заметный концептуально-методологический прорыв. Другое дело, если речь пойдет о своего рода «периферийных консерватизмах», оставленных без внимания теми политическими теоретиками, которые создавали свои конструкции на материале «классических консерватизмов» Великобритании, Франции и США. Испанский консерватизм в этом отношении без сомнения является одним из наиболее перспективных.

Однако и здесь почти полуторастолетняя традиция осмысления собственного консерватизма довольно широка. Только среди наиболее выдающихся имен можно назвать М. Менендеса-и-Пелайо, Ф. Суареса Вердегера, М. Фрагу Ирибарне, Р. де ла Сьерву-и-Осеса, К. Секо Серрано, В. Альбу и П.К. Гонсалеса Куэваса. Пересекаясь с классической традицией, авторы типологий испанского консерватизма эту тему исчерпали настолько, что давно уже представляют исключительно историографический интерес.

В этом контексте серьезные эвристические потенциалы раскрываются, когда мы начинаем применять классические типологии (и испанские, и неиспанские) к такому экзотическому явлению в новой истории Западной Европы как карлизм (реакционное социально-политическое движение, названное по имени его основателя – дона Карлоса, первого претендента на испанский престол от так называемой «легитимистской династии» в 1833–1845), которое можно определить одновременно как неотъемлемую часть испанского консерватизма, альтернативу ему и параллельное с ним явление. Ограничившись генетическим этапом в развитии политической идеологии карлизма, определяемом, с нашей точки зрения, началом и завершением трех карлистских войн (1833–1876), мы можем обнаружить новые грани во всех типах как минимум испанского консерватизма и особенно в праворадикальной его вариации. С учетом необходимого в данном случае принципа историзма она предстает перед нами на протяжении XIX в. лишь в форме (как мы ее определяем) *потенциально праворадикального консерватизма*. В перспективе это должно послужить не только открытию новых методологических проблем при комплексном анализе карлизма, но и их решению.

Формально карлизм как самостоятельное социально-политическое движение возникает в 1833 г., сразу после смерти короля-традиционалиста Фернандо VII, не оставившего наследников мужского пола. Юридической основой для окончательной консолидации движения становится действовавший в Испании с 1713 г. «Салический закон», согласно которому королевская власть должна была перейти к младшему брату Фернандо VII – дону Карлосу Марии Исидро. Однако представители постепенно обуржуазивающейся аристократии, высшие иерархи Испанской католической церкви и активно формирующаяся крупная буржуазия решили поддержать не дона Карлоса, известного своими традиционалистскими идеями, взглядами и ценностями, а трехлетнюю на тот момент дочь Фернандо VII – будущую королеву Изабель II (1833–1868). Именно с ней они связывали свои надежды на умеренные либерально-буржуазные преобразования и постепенную реализацию хотя бы части той политической программы, которая была сформулирована еще на Кадисских кортесах в форме первой испанской либерально-буржуазной Конституции 1812 г. Для легитимизации Изабель II еще при жизни Фернандо VII (29 марта 1830 г.) был введен новый закон о престолонаследии (так называемая «Прагматическая санкция», названная современным каталонским историком Х.М. Сансом Пуигом «одним из наиболее спорных декретов в испанской истории» [Sans Puig 1976: 37]). Этот закон умирающий король, испытывая глубокие сомнения в разумности

своих действий, подписал под огромным давлением своей супруги – будущей королевы-регентши Марии Кристины и ее близкого политического окружения. Реализация норм нового Закона о престолонаследии и стала непосредственным поводом для начала многолетнего (политически незавершенного до сих пор) вооруженного конфликта между либералами и традиционалистами (так называемыми «легитимистами»), вошедшего в историю Испании как карлистские войны. Генезис карлизма как политической идеологии во времена правления короля-традиционалиста Фернандо VII можно условно разделить на два периода.

На первом этапе (1814–1826 гг.) карлизм фактически сливается с политико-идеологическими парадигмами испанских традиционалистов, благодаря чему определить его статус как особый в этот период практически невозможно. Принятый в 1826 г. «Манифест Федерации чистых реалистов» становится, как пишет современный выдающийся испанский историк К. Секо Серрано, повторяя одно из утверждений еще более выдающегося испанского историка-традиционалиста XX в. Ф. Суареса Вердегера и довольно широкого пласта предшествующей ему испанской традиционалистской историографии¹, «первым выражением “реализма”, который апеллировал к дону Карлосу уже не против *либералов*, а против самого *Фернандо VII* еще при жизни последнего» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 6]. Проблема лишь в том, что, как пишет Санс Пуиг, «летом 1826 г. дон Карлос предстает перед нами *без политической программы*» (курсив – Ю.В.) [Sans Puig 1976: 30]. Выступив открыто против смещающегося постепенно влево традиционализма Фернандо VII, именно в 1826 г. будущие карлисты, а пока «*абсолютисты*, которых прежде чем назвать карлистами называли *реалистами, папистами, ультрас* и т.д.» [Sans Puig 1976: 24], помимо каких бы то ни было политико-идеологических интенций со стороны дона Карлоса, как «наиболее чистые элементы реализма» начали оформляться в «движение протеста»² и сдвигаться в направлении потенциально праворадикального консерватизма, или, как выражается Секо Серрано, в «*наиболее реакционные секторы реализма*» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 7].

На втором этапе (1826–1833 гг.), прошедшем под знаком крайне умеренного «полевения» в политической практике короля-традиционалиста Фернандо VII (это «полевение» Секо Серрано со ссылкой на выдающегося испанского историка конца XIX – начала XX в. Х. Пуйоля-и-Алонсо трактует, на наш взгляд, слишком радикально, приписывая королю осознанное намерение «структурировать третью партию, *партию центра*» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 27], располагающуюся между либералами и традиционалистами, то есть доводя ее вплоть до потенциально либерального консерватизма, или «политического проекта в смысле либерализации»³. Скептическая позиция современного валенсийского историка И. Бурдиэль Буэно в этом смысле представляется нам более релевантной: «абсолютистское

¹ См.: [Seco Serrano 1973: 22-24].

² См.: [Seco Serrano 1973: 22].

³ См.: [Seco Serrano 1973: 7, 26-27, 37].

сопротивление было представлено Фернандо VII и в *крайнем своем варианте* его братом доном Карлосом» (курсив – Ю.В.) [Burdiet 2010: 28]. На фоне все более усугубляющегося в Испании кризиса Старого порядка карлизм как его «последний оплот»¹ постепенно начинает обретать свою неповторимую политико-идеологическую идентичность потенциально праворадикального консерватизма. В 1827 г. так называемая «Война агравиадосов», или «недовольных» в Каталонии, вошедшая в испанскую историографию в качестве «первого очерка карлистской войны» [Sans Puig 1976: 32], лишь подтверждает рождение в Испании новой политической реальности. Как пишет Санс Пуиг, «в 1808 г. испанцы против французов; в 1820–1823 гг. либералы против абсолютистов; в 1827 г. *абсолютисты-написты* против абсолютистов умеренных» (курсив – Ю.В.) [Sans Puig 1976: 32].

В итоге к 1833 г., спешит уверить нас Санс Пуиг, «уже были очерчены базовые контуры того, каким станет карлистское движение после смерти короля» (курсив – Ю.В.) [Sans Puig 1976: 31]. Однако на всем протяжении второго периода те политические идеологи и политические практики во главе с доном Карлосом, которых мы могли бы определить как потенциальных карлистов, по-прежнему продолжают самоидентифицировать себя исключительно как та или иная разновидность испанских традиционалистов, уже на «входе» всячески отрицающая саму идею идейно-ценностной деривации. Становится понятным, почему карлистам понадобилось фактически более сорока лет (фактически вплоть до самого окончания третьей карлистской войны в 1876 г.), чтобы уже окончательно осознать собственную политико-идеологическую идентичность как праворадикальных консерваторов, а не как еще одну из огромного множества разновидностей испанского традиционализма, в то время существовавших.

Основная сложность для нашего анализа будет связана с тем, что на всем протяжении своего генетического этапа карлизм – это не столько политическая идеология, сколько политическая практика. Крайне бедная политико-идеологическая составляющая карлизма, или, как пишет нынешняя карлистская принцесса Ее королевское высочество донья Мария Тереза де Борбон Парма, «предидеологическая интенция»², едва ли позволяет нам концептуализировать политико-идеологические парадигмы карлистов 1833–1876 гг. в той же мере, в какой это возможно сделать с парадигмами испанских традиционалистов и либеральных консерваторов XIX в. Вместе с тем данное обстоятельство во многом облегчает нашу задачу, поскольку избавляет от ненужных в данном контексте повторений, связанных с традиционалистской политико-идеологической составляющей карлизма. Проблема сущности политической идеологии потенциально праворадикального консерватизма как особого типа консерватизма требует более детальной концептуально-методологической постановки.

По авторитетному мнению выдающегося испанского традиционалиста середины XIX в. Х.Л. Бальмеса-и-Урпии, определившего во многом

¹ См.: [Sans Puig 1976: 45].

² См.: [S.A.R. D. María Teresa de Borbón Parma 2001: 14].

концептуально-методологические подходы к анализу карлизма в испанской историографии XIX–XX вв. в целом, политическая идеология карлизма как социально-политического движения выстраивалась на основе решения трех главных «вопросов» (точнее – проблем: «династического», «религиозного» и «международных отношений»)¹. Из этого следует, что для испанских традиционалистов середины XIX в. политическая идеология карлизма (и соответственно политико-идеологическая идентичность его представителей) вопрос если не решенный, то по крайней мере второстепенный. Суарес Вердегер, определивший уже современные подходы к карлизму (наибольший современный испанский авторитет в этом вопросе Х.К. Клементе Муньос назвал его представителем «интегрристской» школы², явно перегнув, на наш взгляд, в этом определении с радикализмом), исходит во многом из концептуально-методологической логики Бальмеса. Он утверждает на свой лад, что на генетическом этапе развитие карлизма обуславливалось в целом тремя факторами: «исторической реальностью», связанной с отсутствием должного, по мнению историка, количества исследований; «юридической проблемой». Ее также можно назвать «династической» и наиболее интересным конкретно для нашего исследования «идеологическим вопросом»³, который опять-таки оказывается по исследовательской значимости одним из наименее приоритетных. Означает ли это, что для испанских историков-традиционалистов XIX–XX в., погруженных в проблематику карлизма более остальных, политическая идеология этого движения не является проблемой – это вопрос. Бальмес, например, однажды заявил, что «гражданская (карлистская – Ю.В.) война в Испании велась больше за принципы, чем за династию» (курсив – Ю.В.) [Balmes 1926b: 194], чем полностью перевернул собственную же систему приоритетов, представленную нами выше.

Вполне вероятно, что испанские традиционалисты и традиционалистски ориентированные историки на протяжении без малого двух столетий сознательно отодвигают вопрос о политико-идеологической сущности карлизма на второй план, желая скрыть или как минимум «затуманить» определенную социально-политическую реальность. Более того, само по себе редуцирование научной проблемы к простому «шампуру из фактов» может являться и прямым отражением субъективно упрощенной социально-политической реальности. Это вопреки всем интенциям наших интерпретаторов-традиционалистов отодвигает карлизм за пределы традиционализма вправо, то есть на «поле» потенциально праворадикального консерватизма.

По большому счету заниматься карлизмом как «идеологическим вопросом» в Испании начали такие либерально-консервативные историки во второе половине XX в. как Секо Серрано, которые связали воедино (вопреки традиционалистским подходам) «идеологическую эволюцию» этого

¹ См.: [Balmes 1926a: 341-342].

² См.: [Clemente 2001: 21].

³ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 81-81].

социально-политического движения с его «внутренней историей»¹. Тем более что со времен Суареса Вердегера во второй половине XX в. «историческая реальность» в испанской историографии была заметно «исправлена»: появилось множество ставших уже классическими исторических исследований, посвященных непосредственно карлизму (среди выдающихся историков, помимо уже названных выше, мы можем назвать таких как традиционалисты Т. Домингес Аревало (граф де Родесно)² и Ф.Д. Вильгельмсен³, не считая необозримого количество современных исследований, проведенных за сто восемьдесят лет истории карлизма. Непосредственно же тезис о карлизме как «политико-идеологическом столкновении, основанном на социальном протесте» (курсив – Ю.В.) [Clemente 1999: 48] принадлежит Клементе. Он приходит к подобной постановке проблемы опираясь на труды таких выдающихся современных испанских историков как Э. Лопес Адан, Э. Ольсина Гарсия, В. Гармендия Гарсия де Кортасар, Х. Аростеги Санчес и Э. Фернандес де Пинедо-и-Фернандес, усиленных К. Марксом, Ф. Пи-и-Маргалем и М. де Унамуно-и-Хуго⁴.

«Юридическая проблема» в этом контексте становится уже отдельным вопросом, который сегодня переходит в сферу политического права и истории права и находится соответственно за рамками предмета нашего исследования.

Наибольшее концептуально-методологическое значение для нас сохраняет именно «идеологический вопрос», который прямо подтверждает наш тезис, и как пишет Суарес Вердегер, «первоначально вопросов не вызывал» [Suárez Verdeguer 1988: 83]. Идеино-ценностные дихотомии, заложенные в основе политико-идеологического противостояния в Испании первой трети XIX в., всегда были достаточно определенными: традиция против революции, Испания против Анти-Испании, национальное против иностранного, реакция против прогресса, абсолютизм против либерализма⁵. Соответственно и политическую идеологию зарождающегося карлизма необходимо анализировать в том же историческом контексте как негативную и следовательно изначально прежде всего традиционалистскую реакцию на Великую французскую революцию⁶, докатившуюся до Испании по большому счету лишь к 1808 г. «Формирование карлизма, – заключает Суарес Вердегер, и Секо Серрано с ним полностью согласен⁷, было параллельно формированию политического либерализма⁸. Поэтому искать его корни нужно не 1833 г., когда начиналась гражданская (первая карлистская – Ю.В.) война, а значительно раньше, в 1808 г., когда с крахом политической си-

¹ См.: [Seco Serrano 1973: 9].

² См.: [Rodezno 1929; Rodezno 1938].

³ См.: [Wilhelmsen 1963].

⁴ См.: [Clemente 1999: 46–48].

⁵ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 83].

⁶ См.: [Seco Serrano 1973: 9].

⁷ См.: [Seco Serrano 1973: 9].

⁸ См.: [Suárez Verdeguer 1947].

стемы наблюдаются его первые проявления» [Suárez Verdeguer 1988: 83]. «В большинстве своих аспектов, – вторит Суаресу Вердегеру современный испанский историк-позитивист Гонсалес Куэвас, – карлизм был продолжением движения *реалистов* времен *Фернандо VII*» (курсив – Ю.В.) [González Cuevas 2000: 87].

Опираясь на данную концептуально-методологическую логику Суарес Вердегер выводит и основные «вехи» для генезиса карлизма как социально-политического движения, которые необходимо совпадают с общей динамикой развития современных политических идеологий в Испании во времена правления короля-традиционалиста Фернандо VII. В это время случились Война за независимость¹, Кадисские кортесы², «Манифест персов» (1814)³, «конституционное трехлетие»⁴, «Манифест Федерации чистых реалистов» (1826)⁵ и собственно вооруженное восстание карлистов в 1833 г., непосредственно переведшее философско-мировоззренческое и политико-идеологическое противостояние в формат настоящей гражданской войны⁶. Дальнейшую историю генезиса карлизма дробит уже Секо Сerrано, выделяя в ней по существу три идейно-ценностных этапа:

1) «форалистский», начавшийся после первой карлистской войны и сформировавшийся как реакция на радикальный централизм либерально-буржуазной системы⁷;

2) «историко-националистический», поддержанный «романтической волной» и получивший свое наиболее широкое распространение в Каталонии⁸;

3) «традиционалистско-реставрационный», или «оживление древнего средневекового наследия» как «реального бытия Испании», связанный с именем Карлоса VII и обоснованный уже в конце XIX – начале XX в. выдающимся политическим идеологом карлизма Х. Васкесом де Мелья-и-Фанхул⁹.

В итоге обе ветви политической идеологии (испанского традиционализма и карлизма) имеют общее историческое происхождение. Данный подход в испанской традиционалистской историографии является классическим уже давно и не подвергается сомнениям в принципе. Еще современники Суареса Вердегера – выдающиеся испанские историки, представлявшие три поколения карлистов XX в. (М. Феррер Далмау, Д. Техера де Кесада и Х.Ф. Аседо Кастилья), излагают по существу ту же идею на 324 страницах II тома своего фундаментального тридцатитомного

¹ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 83-86].

² См.: [Suárez Verdeguer 1988: 86-90].

³ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 90-102].

⁴ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 102-108].

⁵ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 108-114].

⁶ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 114-123].

⁷ См.: [Seco Serrano 1973: p. 9].

⁸ См.: [Seco Serrano 1973: 9].

⁹ См.: [Seco Serrano 1973: 9-10].

труда, посвященного событийной «Истории испанского традиционализма». К этому труду добавлено огромное количество крайне важных деталей и подробностей, а также феноменальная по своему качеству подборка исторических документов, на основе которых в дальнейшем было проведено не одно историческое исследование¹. Историографический факт, что наиболее авторитетные историки-карлисты XX в. полностью синонимизируют карлизм и традиционализм. Это свидетельствует о многом (проблемы политико-идеологической самоидентификации вообще всегда крайне сложны и запутаны).

Синонимизировав карлизм и традиционализм, испанские историки-традиционалисты сразу же сталкиваются и с противоположной концептуально-методологической проблемой их разведения. Суарес Вердегер, предлагая собственную типологию «политических тенденций» в Испании во времена кризиса Старого порядка и разделяя их на «консерваторов» (традиционалистов)² и «реновадорес» (либеральных консерваторов)³, данную проблему разрешить не может в принципе. Карлисты у него не только полностью растворяются в среде «консерваторов», но и не могут выйти за правые границы традиционалистского «поля» в направлении потенциально праворадикального консерватизма. Суарес Вердегер таким образом пытается сделать первый шаг в разрешении той концептуально-методологической проблемы, над которой он будет трудиться в течение всей своей академической карьеры, упорно сдвигая испанских «консерваторов» влево в направлении «реновадорес» как умеренной их вариации.

Секо Серрано, выделяя первоначально в политико-идеологической парадигме карлизма в целом два, как он их называет, «утверждения» («католическое» и «испанистское»⁴) и сводя все ее политико-институциональное разнообразие к проблемам так называемого «средневекового федерализма», прямо подходит к интерпретации карлизма как правой вариации испанского традиционализма. Далее Секо Серрано с опорой на один безавторский исторический документ аналитического характера «Историческая памятная записка о карлистской партии», написанный в 1840 г. (по результатам первой карлистской войны) и хранящийся сегодня в «Генеральном архиве Дворца», предлагает разделить карлизм на три «партии», или «фракции» (второе – аутентичное и, как представляется, более удачное понятие). Политико-идеологические парадигмы этих фракций, утверждает Секо Серрано, сформировались где-то между 1814 г. и 1826 г., то есть еще во времена правления короля-традиционалиста Фернандо VII: левая, правая и идейно-ценностное их «ядро» – центристская⁵.

Левая фракция карлистов была «очень склонна к умеренному конституционализму» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 53], как пишет Секо

¹ См.: [Ferrer, Tejera, Acedo 1941].

² См.: [Suárez Verdeguer 1955: 19-21].

³ См.: [Suárez Verdeguer 1955: 33-39].

⁴ См.: [Seco Serrano 1973: 10].

⁵ См.: [Seco Serrano 1973: 52-53].

Серрано. Представляется, что за этим скрывается вся партия «модерадос» без определенного разделения ее на либерально-консервативное и традиционалистское крылья, хотя и с упором на первое («крыло наиболее близкое к умеренному либерализму» [Seco Serrano 1973: 59]). Именно ее представители закончили первую карлистскую войну, заключив так называемое «Вергарское соглашение» и признав бесперспективность дальнейшей вооруженной борьбы («предательство» тех, кто «ближе всего к модерадос» [Seco Serrano 1973: 56]). Повторяя терминологию своего источника, Секо Серрано называет представителей левой фракции «транзакционистами»¹, что аутентично указывает на их желание включиться в переходный процесс (отсюда и склонность к потенциально либеральному консерватизму; граф де Родесно называет их «умеренной оппозицией»² и даже «партией модерадос»³).

Это представляется уже слишком нереальным, поскольку, как он сам пишет, для большинства из них даже речи никогда не шло о том, чтобы «изменить принципы в своей *сущности*» (курсив – Ю.В.) [Rodezno 1938: 15, 111-112]), то есть начать крайне постепенно адаптироваться к социально-политическим условиям институционально устоявшего в ходе войны Нового – либерально-буржуазного – порядка. Лидером этой фракции был генерал Р. Марото Исернс. Проблема заключалась в том, что ее представители, будучи, цитирует Секо Серрано свой документ, «людьми наиболее выдающимися, не имели влияния в *карлистских массах*» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 54].

Принципиально противоположную левой – *правую фракцию*, состоящую из потенциально праворадикальных консерваторов, Секо Серрано называет «чистыми папистами» (или «теократическим сектором»⁴), поскольку именно они, будучи «религиозными фанатиками»⁵, желающими «покончить с любой инновацией» [Seco Serrano 1973: 59], превратили гражданскую войну в религиозную. Ее условным лидером являлся Б. Франсес Кабальеро, архиепископ Сарагосы в 1824–1835 гг.⁶ Подлинным лидером ее был сам дон Карлос, который включал в себя «все качества или дефекты Фелипе II»⁷. В конце 1830-х гг. роль политического идеолога «папизма» перешла к полковому маршалу карлистов Х. де Масаррасу-и-Кобо, заклятому врагу Марото. Другое название «наиболее экзальтированных реалистов» – «наваррская партия»⁸ говорит о том, что правая фракция карлистов имела еще и географическую привязку.

Отсюда производно положение и центристской фракции карлизма, идеи, взгляды и ценности представителей которой Секо Серрано связывает

¹ См.: [Seco Serrano 1973: 53].

² См.: [Rodezno 1938: 111].

³ См.: [Rodezno 1938: 106].

⁴ См.: [Seco Serrano 1973: 58].

⁵ См.: [Sans Puig 1976: 31].

⁶ См.: [Seco Serrano 1973: 54-55].

⁷ См.: [Seco Serrano 1973: 59].

⁸ См.: [Rodezno 1938: 111].

с «Манифестом персов»¹. Политико-идеологическую идентичность ее авторов мы могли бы определить как располагающуюся между умеренным традиционализмом и потенциально праворадикальным консерватизмом. У Секо Серрано представители центристской фракции «не желают идти на компромисс относительно принципов, но разочарованы в доне Карлосе и считают его препятствием тому, чтобы *подлинные монархические принципы* могли быть установлены в Испании» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 55]. Благодаря этому они выглядят чистыми традиционалистами. Более того, «они считают дона Карлоса действительно *главным из революционеров*. Называют его *тираном и чинящим произвол*» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 55-56]. В данном случае Секо Серрано использует определение контрреволюции Ж. де Местра как «революции наоборот»².

Другое дело, что представители центристской фракции готовы присоединиться к королеве-регентше Марии Кристине лишь в том случае, если она восстановит в Испании абсолютную монархию⁶, что, собственно, и сдвигает их вправо. В конце концов «возможно, что именно эта группа и сообщила карлизму ту программу, которая будет придавать ему силу и живучесть на протяжении века» [Seco Serrano 1973: 57]. Об этом и пишет Секо Серрано, явно намекая на политико-идеологическую парадигму Васкеса де Мелья, который в 1870-е гг. окончательно расколел карлизм на умеренное и радикальное крылья и переведет его в формат традиционалистской парламентской партии. Даже тот простой факт, что в составе центристской фракции карлизма нет ни одного сколько-нибудь исторически значимого персонажа⁴, является, на наш взгляд, одним из лучших доказательством ее, скажем так, «мейнстримовского» характера.

Довольно близкую к фракционной классификации Секо Серрано по используемым понятиям предлагает и Клементе, который в одной из своих последних работ – «Дом Бурбонов: мультинациональность коронованных особ», опубликованной лишь в рукописи [Clemente], рисует собственную классификацию «идеологических течений карлизма», допуская при этом, правда, некоторую путаницу понятий, поскольку называет «карлистами» не только все три течения в целом, но и одно из них в частности. Отсюда и представленные «течения» нужно рассматривать не столько как политико-идеологические типы, существовавшие внутри карлизма на генетическом этапе его развития (последняя строчка в представленной таблице, добавленная нами), сколько как три подэтапа в процессе генезиса, связанные непосредственно с тремя карлистскими войнами XIX в. (см. табл. 1).

Согласно Клементе, поменявших на своей схеме левый фланг карлистов с правым, генезис карлистского социально-политического движения в XIX в. сопровождается постепенным обретением идейно-ценностной умеренности, то есть движением (на его аутентичной схеме) слева направо, хотя

¹ См.: [Seco Serrano 1973: 55-57].

² См.: [Seco Serrano 1973: 60].

³ См.: [Seco Serrano 1973: 56].

⁴ См.: [Seco Serrano 1973: 56].

Таблица 1

Течения Типы	«Интегристы» (первая карлистская война во главе с Карлосом V)	«Традиционалисты» (вторая карлистская война во главе с Карлосом VI)	«Карлисты» (третья карлистская война во главе с Карлосом VII)
Составляющие	1. Экзальтированные реалисты. 2. Чистые абсолютисты 3. Паписты.	1. Умеренные абсолютисты. 2. Умеренные реалисты 3. Военные «транзакционисты». 4. Теоретики.	1. Форалисты. 2. Антицентралисты
Проблематика	1. Религиозный вопрос. 2. Восстановление Инквизиции.	Династический вопрос.	1. Фуэросы 2. Аграрная реформа.
Идеология	«Манифест Федерации чистых реалистов» (1826).	«Манифест персов» (1814).	«Манифест арагонцам» (1834).
Лозунг	«Да здравствует Инквизиция!».	«Бог и легитимный король».	«Король и фуэросы» [см.: 10].
Политико-идеологическая идентичность карлистов	Между традиционализмом и потенциально праворадикальные консерваторы.	Традиционалисты.	Между либеральным консерватизмом и традиционализмом.

в действительности – справа налево, и все более осознанным стремлением политических идеологов и политических практиков карлизма, пусть даже и к довольно умеренной, но все-таки гармоничной адаптации к социально-политическим условиям Нового либерально-буржуазного порядка.

С учетом всего вышесказанного мы предлагаем фундировать фракционную классификацию карлизма Секо Серрано и «три течения карлизма» Клементе более общей, на наш взгляд, типологией консерватизма, которая была предложена современными отечественными историками П.Ю. Рахшмиром и А.А. Галкиным в конце 1980-х гг. Однако принимаем это лишь с принципиальной оговоркой, что последняя как таковая была сформулирована на современном англо-саксонском материале¹ и на историю Испании первой половины XIX в. автоматически перенесена быть не может. Однако мы утверждаем, что эвристическое использование типологии Рахшмира-Галкина во многих отношениях оправдано. Именно она позволяет нам различить в политической идеологии карлизма его правое крыло, потенциально праворадикальных консерваторов, которые и предопределили идейно-ценностную сущность всего этого многосоставного социально-политического течения почти на полтора столетия вперед, вплоть до демонтажа франкистского режима во второй половине 1970-х гг. Более того, совершая глубокие исторические экскурсы, эти авторы сами нам это позволяют.

¹ См.: [Галкин, Рахшмир 1987; Рахшмир 1990].

Так, «Ультра», крайне правые консерваторы-традиционалисты, – пишут Рахшмир и Галкин, прямо определяя происхождение карлизма как правой идейно-ценностной деривации испанского традиционализма, – сгруппировались вокруг младшего брата покойного короля Фердинанда VII дона Карлоса, который оспаривал право на трон у дочери короля Изабеллы II» [Галкин, Рахшмир 1987: гл. 1]. Оправданную и с нашей точки зрения редукцию многосоставной, как мы увидели, политико-идеологической идентичности карлизма к потенциально праворадикальному консерватизму, довольно распространенную особенно в современной левой испанской историографии¹, Рахшмир и Галкин объясняют следующим образом: «Именно в рамках этого течения и возникло экстремистское направление, сыгравшее существенную роль в формировании правого радикализма... Ряды правых радикалов пополнялись за счет *сторонников* экстремистского консерватизма. Правые радикалы заимствовали у него и *основные идеи*» (курсив – Ю.В.) [Галкин, Рахшмир 1987: На страже буржуазного миропорядка].

Схематически типология консерватизма Рахшмира-Галкина в соотношении с типологией «политических тенденций» Суареса Вердегера и фракционной классификацией карлизма Секо Серрано, а также политическими идеологиями зарождающегося испанского консерватизма и политическими партиями и течениями XIX в. может, на наш взгляд, быть изображена следующим образом (табл. 2).

Между тем предлагаемая нами с опорой на типологию консерватизма Рахшмира-Галкина интерпретация карлизма как прежде всего потенциально праворадикального консерватизма отнюдь не нова. Именно в этом ключе, не формулируя проблему до конца, его интерпретировали многие выдающиеся испанские и европейские историки. Так, по словам выдающегося немецкого историка-испаниста XX в. Э. Шрамма, «карлизм был *самым контрреволюционным* движением, которое существовало в Европе»². Выдающийся испанский историк-карлист второй половины XX в. В. Марреро Суарес в своем предисловии к антологии традиционалистских текстов XIX в. пишет: «В западной политике XIX века карлизм – ...это *радикальная детерминация*, которая, в конечном счете, есть вопрос веры. ...Карлизм есть *экстремальный полюс*..., он подобен коммунизму, его самому жесткому антиподу» (курсив – Ю.В.) [El tradicionalismo... 1955: XII-XIII]. «Огромный блок карлистов, – пишет Санс Пуиг, – отверг в итоге любые уступки, даже самые малые, реформам и непримиримо ожесточился и полностью закрылся. Только *религиозный фанатизм* (“паписты”) и *политическая непримиримость с до предела авторитарными институтами* (абсолютизм или реализм)» (курсив – Ю.В.) [Sans Puig 1976: 31-32].

Принципиальные различия между карлистами как традиционалистами и карлистами как потенциально праворадикальными консерваторами заключаются, по мнению Марреро, в следующем. Вторые – это, «люди

¹ См., например: [Burdial 2010: 26-27].

² Цит. по: [El tradicionalismo... 1955: XVII].

Таблица 2

Типология консерватизма Рахшмира-Галкина	Либеральные консерваторы	Традиционалисты		Праворадикальные консерваторы
Типология «политических тенденций» Суареса Вердегера	«Реновадорес»	«Консерваторы»		
Фракционная классификация карлизма Секо Серрано	Левая фракция: «транзакционисты»		Центристская фракция: наследники «Манифеста персов»	Правая фракция: «чистые паписты»
«Три течения карлизма» Клементе	«Карлисты»		«Традиционалисты»	«Интегристы»
Политические идеологии зарождающегося испанского консерватизма	Либеральные консерваторы	Традиционалисты: сторонники королевы-регентши Марии Кристины и королевы Изабель II	Умеренные карлисты-традиционалисты: сторонники династического примирения	Карлисты-потенциально праворадикальные консерваторы: сторонники вооруженной борьбы
Политические партии и течения	Партия «Модерадос»		Карлисты	
	Либерально-консервативное крыло партии	Традиционалистское крыло партии		

действия, организация больше военных, нежели политиков» (курсив – Ю.В.) [El tradicionalismo... 1955: X], то есть политические практики. Первые, соответственно, – политические теоретики, формулирующие политико-идеологические парадигмы и обладающие «мышлением, которое исторически находится в тесной связи с прекрасным и таинственным инстинктом, лежащим в основе бытия *традиционной католической монархии*, умеренной, представительной, федеративной, наследственной, легитимной и *фундаментально отвергающей революцию и ее результаты»* (курсив – Ю.В.) [El tradicionalismo... 1955: XVII].

При этом под «представительной монархией» Марреро понимает исключительно средневековую сословно-представительную монархию, а под «федеральной» – ту же самую монархию, но уже подчеркнута уважающую «фуэросы» (средневековые свободы) испанских провинций. Категоричное нежелание карлистов воспринимать в качестве одного из ключевых критериев реставрацию (хотя бы абсолютистской монархии) как реальный политико-институциональный «проект» и сообщает им ту степень идейно-

ценностного радикализма, которая отличает их традиционалистское «ядро» от потенциально праворадикальных консерваторов.

Утверждая далее, что традиционалисты опирались в своей политической практике на «Манифест персов» и таким образом были продолжателями дела «реалистов» времен правления короля-традиционалиста Фернандо VII, которым не была чужда идея определенных (пусть и крайне умеренных) политико-институциональных реформ, не затрагивающих сущность Старого порядка, а потенциально праворадикальные консерваторы, выступавшие уже за полную реставрацию Старого порядка, опирались на «Манифест Федерации чистых реалистов», Марреро выходит на тот исторический факт, что потенциально праворадикальные консерваторы в рамках карлизма сформировались несколько позже, нежели традиционалисты.

Поскольку определенное время надежды вторых на победу в династическом споре были весьма реалистичны, соответственно, и потенциально праворадикальный консерватизм в их рядах не мог получить полную степень поддержки. Однако по мере утверждения на троне Испании королевы-регентши Марии Кристины эти надежды таяли. Итогом стало «Вергарское соглашение», подписанное со стороны карлистов генералом Марото, и каждый раз – все более праворадикальная реакция, вновь и вновь выливавшаяся в прямое неизбежное и закономерное вооруженное противостояние с находящимися у власти либералами. Марреро приводит слова Х. Ортеги-и-Гассета о том, что «реакция – всего лишь паразит революции»¹ в данном случае – успехов либерально-буржуазной революции, а также «либеральной, демократической, парламентской, централизованной и конституционной монархии» [El tradicionalismo... 1955: XVII].

В социально-экономическом плане карлисты-традиционалисты опирались на мелкопоместную аристократию и крестьянство (отсюда и критическое отсутствие среди них крупных социально-политических деятелей), которые противопоставляли себя в целом либеральной буржуазии. Социальную основу потенциально праворадикальных консерваторов, и здесь Марреро и Секо Серрано вновь полностью совпадают, составили рядовые католические священники, призывавшие к восстановлению Инквизиции под лозунгом «Да здравствует Инквизиция! Смерть полиции!»².

В итоге младший современник Суареса Вердегера Марреро преодолевает господствующую в традиционалистской историографии синонимизацию карлизма и традиционализма, признавая одновременно концептуально-методологическое превосходство либерально-консервативной историографии, ярчайшим представителем которой является Секо Серрано.

В итоге генезис политической идеологии карлистского социально-политического движения предстает перед нами как цепочка постоянных колебаний между двумя его «фракциями»: центристской (традиционалистами) и правой (потенциально праворадикальными консерваторами).

¹ Цит. по: [El tradicionalismo... 1955: XV].

² См.: [El tradicionalismo... 1955: XIII].

На генетическом этапе, что принципиально, верх одерживают все-таки склонные к алармизму, упрощению социально-политической реальности и прямому политическому насилию потенциально праворадикальные консерваторы. Как следствие – три гражданские по своей сущности карлистские войны (1833–1839, 1846–1849 и 1872–1876 гг.) и очень бедное политико-идеологическое обоснование карлизма, сводящееся по существу к пропагандистским лозунгам и прокламациям. Seriously развернутых концептуально обоснованных политико-идеологических парадигм, сформулированных в классической академической манере, в этот период мы не находим. Выдающийся испанский традиционалист середины XIX в. А. Апариси-и-Гихарро, перешедший в 1869 г. на позиции потенциально праворадикального карлизма, еще в 1871 г. по этому поводу писал: «Карлистская партия осуществила великолепную критику либерализма, но в силу различных обстоятельств не смогла утвердить величие *собственной доктрины*» (курсив – Ю.В.) [El tradicionalismo... 1955: 148].

Отсутствие собственной (совершенно оригинальной) доктрины у правой фракции карлистов (потенциально праворадикальных консерваторов) подтверждается и основоположником «интегризма» как праворадикального консерватизма уже классического периода Р. Носедалем-и-Ромеа (Носедал-младший). Он вышел, как и Апариси-и-Гихарро, из рядов традиционалистского крыла партии «Модерадос», а в своей программной речи, произнесенной в годы монархической Реставрации (середина 1870-х гг.), утверждал буквально следующее: «Сегодняшние традиционалисты, мы защищаем *те же знамена* (курсив – Ю.В.), что и традиционалисты 1833 и 1848 гг., знамена Карлоса V и Карлоса VI; знамена традиционалистов, которые в 1822–1823 гг. защищали Фернандо VII, а в 1827 г. выступили против него по очевидным причинам несмотря на его неоспоримую легитимность; знамена, которые традиционалисты защищали против янсенистов на Кадисских кортесах и на полях сражений против Наполеона»¹.

Возможно парадокс, но первые политические идеологи карлизма, склонные к написанию текстов, а не к партизанской войне, являются выходцами если не из традиционалистского крыла партии «модерадос», то из традиционалистских политических структур, близких к ней, наверняка, хотя бы в силу того простого факта, что на протяжении долгого времени они были сторонниками королевы-регентши Марии Кристины, а не Карлоса V (так называемые «неокатолики»). Все это, как представляется, говорит не столько о внутренней слабости и идейно-ценностной разобщенности партии «модерадос», сколько о политико-идеологическом родстве двух традиционализмов, поддержавших различные династические ветви испанских Бурбонов. Однако в определенный момент династические разногласия оказались для них вторичными, а политико-идеологическое родство – первичным.

¹Цит. по: [El tradicionalismo... 1955: XIII].

Как говорил о себе ярчайший их представитель Апариси-и-Гихарро, «когда началась (первая карлистская – Ю.В.) война, я был почти ребенком и не мог (изучать династический вопрос – Ю.В.); когда она закончилась, я был почти мужчиной, но он уже не имел никакого значения» [El tradicionalismo... 1955: 153]. Почему многие традиционалисты оказались в рядах карлистов-потенциально праворадикальных консерваторов – один из фундаментальных вопросов испанской истории XIX в.

Генетический период в развитии карлизма как политической идеологии мы предлагаем разделить на четыре этапа, каждый из которых связан с определенным претендентом на испанский престол: Карлосом V (1833–1845), Карлосом VI (1845–1861), Хуаном III (1861–1868) и Карлосом VII (1868–1869). В течение всего этого времени, хотя Карлос VII и «правил» до 1909 г., идеи, взгляды и ценности претендентов имели для судеб карлизма в целом значение принципиальное. Будучи настоящими монархами, они не могли не определять исторические «вехи» в развитии своей «монархии». Другое дело, что за каждым из них стояла определенная «команда», члены которой могли не только делать всю «черную работу» (в нашем случае – формулировать политико-идеологические парадигмы в соответствующих текстах), но и развивать карлизм как социально-политическое движение в том или ином направлении, не всегда, кстати, имея на то высшую монаршую санкцию.

С началом в Испании классического периода в развитии политических идеологий (1868–1936), политико-идеологические балансы в рядах карлистов начинают существенно меняться, поскольку, как пишет Клементе, «идеология (карлизма – Ю.В.) по прошествии лет становилась каждый раз более *актуальной*» (курсив – Ю.В.) [Clemente 2001: 17]. Соответственно, и личные претензии на испанский престол потомков Карлоса V могли уже не только отходить на второй план, но в определенных обстоятельствах вообще не приниматься во внимание. Данный подход был особенно характерен для представителей нового поколения политических идеологов, занимавшихся, по их мнению, решением более серьезных проблем культурно-цивилизационного и политико-институционального характера, нежели традиционно присущих верноподданым свите короля. В результате во главе карлизма все чаще начинают оказываться не претенденты королевской крови, а всего лишь традиционалистски ориентированные политики: политические идеологи и политические практики, которые фактически были лидерами, как правило, не всего карлистского движения, а всего лишь одной из множества его разновидностей.

К концу XIX в. кризис «старого карлизма», разрывавшегося между традиционализмом и потенциально праворадикальным консерватизмом, становится тем более очевиден. Как утверждает Клементе, в это социально-политическое движение в том или ином формате начинают входить «старые республиканцы, консерваторы, сторонники Папы Римского, прогрессисты-демократы, не связанные с карлистской династией традиционалисты, либертариисты, интегралы и утопические социалисты» [Clemente 2001: 17]. Соединить их в рамках более или менее единой политико-идеологической парадигмы было невозможно в принципе. Между тем благодаря крайне

успешной деятельности прежде всего таких выдающихся испанских традиционалистов конца XIX – начала XX в. как Васкес де Мелья-и-Фанхул и Х.В. Прадера Ларумбе уже с 1870-х гг. карлисты из вооруженных «бандитских формирований» окончательно превращаются в классическую политическую партию и постепенно начинают заседать в Кортесах. Несмотря на то, что во времена гражданской войны 1936–1939 гг. бывшая правая «фракция» карлистов вновь сумела организовать, предельно активизироваться и возглавить движение, постаравшись решить старые проблемы старыми методами, уже к концу войны стало понятно, что франкисты едва ли допустят усиления близких себе в идейно-ценностном плане, но постоянно склонных к региональному сепаратизму политических сил. В результате верх в карлизме вновь взяли традиционалисты, которые были вынуждены согласиться развивать политическую идеологию своего движения в новых социально-политических условиях исключительно под пристальным взглядом франкистов.

«Мэйнстрим» современного карлизма вообще имеет уже не традиционалистскую, а более левую либерально-консервативную политико-идеологическую идентичность. Она, как пишет Мария Тереза, связана с явной «трансформацией на алтаре будущего», то есть с переходом от политики «против современности» (генетический этап в развитии политических идеологий) к политике «с современностью» (классический этап), а затем и со стремлением «согласиться с ней» (современный этап) [S.A.R. D. María Teresa de Borbón Parma 2001: 14-15]. Отсюда и оценки прошлого: «язык (первых лидеров карлизма – Ю.В.), их желания, даже их стратегия были *утопическими*» (курсив – Ю.В.) [Clemente 2001: 15].

Таким образом, идейно-ценностный кризис карлизма как реакционного социально-политического движения, уходящий своими корнями в последние годы «правления» Карлоса VII, признавшего не только свое поражение в третьей карлистской войне, но и «нелегитимистскую» ветвь Бурбонов на испанском престоле, делает генетический этап в его развитии наиболее эвристически интересным с точки зрения типологии испанского консерватизма. При этом посредством карлистского «кейса» как частного случая мы можем не только проследить генезис политической идеологии потенциально праворадикального консерватизма как специфического типа в рамках испанского консерватизма, но и вполне аргументировано представлять его как идеально-типический случай для всех «неклассических консерватизмов» еврохристианской цивилизации.

Материал поступил в редколлегию 1.12.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. 1987. Консерватизм в прошлом и настоящем [Электронный ресурс]. Л. : Наука. URL: http://propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservatizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/ (дата обращения: 25.11.2015).

- Рахшмир П.Ю. 1990. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. № 1. С. 48-62.
- Balmes J. 1926a. *Escritos políticos*. T. 3. *Campaña de Gobierno* (7 de febrero – 3 de mayo de 1844). Barcelona : Biblioteca Balmes. 455 p.
- Balmes J. 1926b. *Escritos políticos*. T. 4. *Constitución del primer ministerio de Narváez* (mayo – septiembre de 1844). Barcelona : Biblioteca Balmes. 440 p.
- Burdiel I. 2010. *Isabel II. Una biografía* (1830-1904). Madrid : Taurus. 943 p.
- Clemente J.C. 1999. *El Carlismo en el Novecientos español* (1876-1936). Madrid : Huerga y Fierro. 183 p.
- Clemente J.C. 2001. *Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles*. Barcelona : Martínez Roca. 254 p.
- Clemente J.C. *La casa de Borbón: Una multinacional de las cabezas coronada* [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=8EX1AgAAQBAJ&pg=PT42&lp_g=PT42&dq=carlista+La+Hoz&source=bl&ots=Q80uFBhd38&sig=sEqhYJiv0EJ8WwHG_OhQZNEE-k&hl=es&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=carlista%20La%20Hoz&f=false (дата обращения: 25.11.2015).
- El tradicionalismo español del siglo XIX*. 1955. Madrid : Prensa Gráfica. 413 p.
- Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. 1941. *Historia del tradicionalismo español*. Vol. 2. *El Precarlismo. Desde el pronunciamiento de Riego hasta la muerte de Fernando VII*. Sevilla : Trajano. 324 p.
- González Cuevas P.C. 2000. *Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días*. Madrid : Biblioteca Nueva. 528 p.
- Rodezno C. de. 1929. *Carlos VII. Duque de Madrid*. Madrid ; Barcelona ; Bilbao : Espasa-Calpe. 268 p.
- Rodezno C. de. 1938. *La princesa de Beira y los Hijos de Don Carlos*. Santander : Cultura española. 144 p.
- S.A.R. D. María Teresa de Borbón Parma. 2001. *Prólogo* // Clemente J.C. *Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles*. Barcelona : Ediciones Martínez Roca. P. 13-18.
- Sans Puig J.M. 1976. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil*. Barcelona : Bruguera. 188 p.
- Seco Serrano C. 1973. *Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo*. Barcelona : Ariel. 157 p.
- Suárez Verdeguer F. 1947. *Génesis del liberalismo político español* // *Arbor*. № 21. P. 349-395.
- Suárez Verdeguer F. 1955. *Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerías del Antiguo Régimen*. Pamplona : Gómez. 49 p.
- Suárez Verdeguer F. 1988. *La crisis política del Antiguo Régimen en España* (1800-1840). Madrid : Rialp. 287 p.
- Wilhelmsen F.D. 1963. *Hacia una filosofía del carlismo*. Pamplona : Príncipe. 19 p.

References

Balmes J. *Escritos políticos*. T. 3. *Campaña de Gobierno* (7 de febrero – 3 de mayo de 1844) [Political writings. T. 3. *Government Campaign* (February 7 – May 3, 1844)], Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, 455 p. (in Spanish).

Balmes J. *Escritos políticos*. T. 4. *Constitución del primer ministerio de Narváez* (mayo – septiembre de 1844) [Political writings. T. 4. *Constitution of the first ministry of Narvaez* (May – September 1844)], Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, 440 p. (in Spanish).

Burdiel I. *Isabel II. Una biografía (1830–1904)* [Isabel II. A biography (1830–1904)], Madrid, Taurus, 2010, 943 p. (in Spanish).

Clemente J.C. *Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles* [Chronicle of the Carlists. The cause of the Spanish Legitimists], Barcelona, Martínez Roca, 2001, 254 p. (in Spanish).

Clemente J.C. *El Carlismo en el Novecientos español (1876–1936)* [Carlism in Spanish twentieth century (1876–1936)], Madrid, Huerga y Fierro, 1999, 183 p. (in Spanish).

Clemente J.C. *La casa de Borbón: Una multinacional de las cabezas coronada* [The House of Bourbon: A multinational crowned heads], available at: https://books.google.ru/books?id=8EX1AgAAQBAJ&pg=PT42&lpg=PT42&dq=carlista+La+Hoz&source=bl&ots=Q80uFBhd38&sig=sEqhYJiv0EJ8WwHG-_OhQZNEE-k&hl=es&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=carlista%20La%20Hoz&f=false (accessed 25 November 2015). (in Spanish).

El tradicionalismo español del siglo XIX [The Spanish traditionalism of the nineteenth century], Madrid, Prensa Gráfica, 1955, 413 p. (in Spanish).

Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. *Historia del tradicionalismo español. Vol. 2. El Precarlismo. Desde el pronunciamiento de Riego hasta la muerte de Fernando VII* [History of Spanish traditionalism, vol. 2], Sevilla, Trajano, 1941, 324 p. (in Spanish).

Galkin A.A., Rakhshmir P.Yu. *Konservativizm v proshlom i nastoyashchem* [Conservatism in the past and present], Leningrad, Nauka, 1987, available at: http://propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservativizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/ (accessed 25 November 2015). (in Russ.).

González Cuevas P.C. *Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días* [History of the Spanish Rights. From Enlightenment to the present day], Madrid, Biblioteca Nueva, 2000, 528 p. (in Spanish).

Rakhshmir P.Yu. *Evolyutsiya konservativizma v novoe i noveyshee vremya* [The evolution of conservatism in modern and contemporary times], *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1990, no. 1, pp. 48–62. (in Russ.).

Rodezno C. de. *Carlos VII. Duque de Madrid* [Carlos VII. Duke of Madrid], Madrid, Barcelona, Bilbao, Espasa-Calpe, 1929, 268 p. (in Spanish).

Rodezno C. de. *La princesa de Beira y los Hijos de Don Carlos* [Princess of Beira and the Sons of Don Carlos], Santander, Cultura española, 1938, 144 p. (in Spanish).

S.A.R. D. María Teresa de Borbón Parma. *Prólogo* [Prologue], *Clemente J.C. Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles*, Barcelona, Ediciones Martínez Roca, 2001, pp. 13–18. (in Spanish).

Sans Puig J.M. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil* [Liberals and Carlists. One Hundred Years of Civil War], Barcelona, Bruguera, 1976, 188 p. (in Spanish).

Seco Serrano C. *Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo* [Carlist triptych. Studies in history of Carlism], Barcelona, Ariel, 1973, 157 p. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerías del Antiguo Régimen* [Conservative, innovatives and renovators in the last years of the Old Regime], Pamplona, Gómez, 1955, 49 p. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *Génesis del liberalismo político español* [Genesis of Spanish political liberalism], *Arbor*, 1947, no. 21, pp. 349–395. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *La crisis política del Antiguo Régimen en España (1800–1840)* [The political crisis of the Old Regime in Spain (1800–1840)], Madrid, Rialp, 1988, 287 p. (in Spanish).

Wilhelmsen F.D. *Hacia una filosofía del carlismo* [Towards a philosophy of Carlism], Pamplona, Príncipe, 1963, 19 p. (in Spanish).

Yuri V. Vasilenko, Candidate of Philosophy, Doctorate of Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: yuvasil@yandex.ru

GENESIS OF CARLISM AND PROBLEMS OF TYPOLOGY OF SPANISH CONSERVATISM

Abstract: The article analyzes classical typologies of Carlism in the genetic stage of its development (1833-1876) as a special case of the Spanish conservatism as well as related conceptual and methodological problems. Based on the Russian classical typology of conservatism, which was proposed by A.A. Galkin and P.Yu. Rakhshmir, the author compares the typology of «political tendencies» of F. Suarez Verdeguer, the fractional classification of Carlism of C. Seco Serrano, and «three trends of Carlism» of J.C. Clemente Muñoz. For detailed conceptual and methodological draw, all analyzed typologies are tabulated in the summary with political-ideological and political-party spectrum of the emerging Spanish conservatism. Finally, the author concludes that the political-ideological «mainstream» of the emerging Carlism belonged to its right «fraction», namely, potentially right-wing conservatives, who had defined the essence of the whole Carlism for the next half-century. On this basis, the author argues that the genesis of Carlism in Spain could be presented as an ideal type for the study of the right-radical conservatism genesis within such «peripheral conservatisms» as German, Italian, Eastern European, and Russian ones.

Keywords: Carlism; political ideology; typology of conservatism; traditionalism; extreme-right conservatism; Spain of the XIX century.